

Линь Ханьчжи не отрываясь смотрел на браслеты, почти одержимо и жадно. Горло сжалось. На мгновение ему показалось, будто его вырвало из окружающего мира, и он услышал собственный голос, показавшийся даже ему незнакомым:

— Это... это мне?

Ци Гу невольно сжал браслеты в руке.

Он ещё не подготовил церемонию... Боялся, что Линь Ханьчжи сочтёт всё слишком небрежным.

Глаза Линь Ханьчжи дрогнули, словно спокойную поверхность озера разбил брошенный камень:

— Не мне? Или просто сейчас нельзя отдавать? Правда нельзя прямо сейчас?

Он выглядел обиженным, как кот, у которого забрали лакомство, и не моргая смотрел на Ци Гу.

Внутри Ци Гу разгорелась настоящая битва. С одной стороны — идеальная церемония признания. С другой — Линь Ханьчжи, который выглядел так, будто вот-вот разобьётся на кусочки.

По первоначальному плану Ци Гу, когда Линь Ханьчжи соберёт все три воспоминания, он духовной силой ненадолго заставит персиковое дерево во дворе зацвести, вручит подарок под падающими лепестками и перед учителем даст Линь Ханьчжи обещание на всю жизнь.

Но сейчас за окном шёл дождь, вокруг стояла тёмная ночь, выйти они не могли... Да и сам Ци Гу выглядел сонным, под глазами лежали тёмные круги.

А Линь Ханьчжи явно очень хотел получить подарок именно сейчас.

Сердце Ци Гу всегда склонялось в его сторону.

Он услышал, как собственный голос сам принимает решение:

— Точно хочешь прямо сейчас? Не покажется, что совсем без церемонии?

Глаза Линь Ханьчжи засияли.

Так Ци Гу не передумал дарить. Просто считал такой способ слишком обычным. Но на самом

деле, если подарок от Ци Гу, даже вручённый между делом, Линь Ханьчжи всё равно никогда его не забудет.

Он упёрся ладонями в ковёр и сел прямо. Теперь между ними оставалось не больше половины вытянутой руки. Он слышал звонкий шум дождя, видел в тёплом жёлтом свете гладкое, словно нефрит, лицо Ци Гу и его миндалевидные глаза с густыми прямыми ресницами.

— Пока я с тобой, каждое мгновение кажется мне приятной церемонией.

Он протянул Ци Гу руку:

— Поэтому можешь надеть его на меня? Прямо сейчас.

Запястье Линь Ханьчжи нельзя было назвать тонким, но линии были исключительно красивыми, косточка чуть выступала. На таком запястье украшения смотрелись особенно хорошо. С такими руками он и моделью для съёмки кистей мог бы зарабатывать огромные деньги.

Ци Гу чувствовал его почти отчаянную торопливость — так проявлялась нехватка чувства безопасности.

Он мягко придержал пальцы Линь Ханьчжи, провёл браслет через ладонь и сдвинул на запястье. Глубокий красный агат и зелёный нефрит ярко легли на его кожу.

Несколько секунд Ци Гу молча любовался, а затем медленно, особенно бережно произнёс его имя:

— Ханьчжи...

Их взгляды мгновенно встретились, будто вспыхнула искра.

— Хочешь стать вторым хозяином храма Фуай? — в глазах Ци Гу появилась улыбка. — Я люблю тебя.

Линь Ханьчжи ответил сразу и очень быстро, словно боялся опоздать:

— Я тоже тебя люблю.

С этими словами он взял второй браслет, осторожно раздвинул и надел Ци Гу на запястье. Рука Ци Гу была чуть тоньше и худее. Когда ладонь Линь Ханьчжи с заметными синими венами обхватила её, даже без всякого намеренного жеста в картине ощущалось явное желание

присвоить.

Они как по молчаливой договорённости сложили рядом запястья с одинаковыми браслетами и сколько ни смотрели, всё было мало.

Линь Ханьчжи достал телефон и сделал множество снимков под разными углами, но каждый раз оставался недоволен — ему казалось, что он не сумел передать самую суть подарка.

Ци Гу послушно помогал, позволяя менять положение его руки и пальцев. Нет человека, который не испытал бы тихой гордости, увидев, насколько любимому нравится его подарок. Глядя на нескрываемый восторг Линь Ханьчжи, Ци Гу сказал:

— Этот браслет называется «Вместе до конца». Половинки нефритовой подвески — подарок моего учителя нам обоим. А свисающий талисман я долго разрабатывал сам. На нём есть символы, защищающие от воды и огня и делающие его прочным и неизменным. Он не повредится... Но самое важное заклинание в основе — «вместе в жизни и смерти».

— Отныне наша продолжительность жизни делится поровну. Мы вместе дойдём до последнего мгновения, — выражение Ци Гу было серьёзным, но в нём чувствовалась и радость.

Линь Ханьчжи почувствовал, как браслет наполняется теплом, совсем не похожим на температуру его тела. Это был обогревающий символ, который Ци Гу внезапно решил добавить по вдохновению.

Линь Ханьчжи постоянно мёрз — лишний согревающий символ точно не помешает.

Но, услышав слова Ци Гу, Линь Ханьчжи первым почувствовал не счастье, не радость и не восторг. Браслет вдруг показался обжигающе тяжёлым.

Вместе в жизни и смерти? Он никогда не хотел, чтобы Ци Гу разделял с ним жизнь и смерть. Ему уже было достаточно просто однажды получить Ци Гу.

Он не хотел тянуть Ци Гу за собой до самой смерти.

Он никогда этого не желал.

Такой хороший Ци Гу должен просто хорошо жить.

Какое право он имеет заставлять Ци Гу делить с ним жизнь и смерть?

Линь Ханьчжи слишком хорошо знал, что его собственное тело уже держится на последнем

пределе. Он не был уверен, сколько ещё протянет... Если каждый дополнительный миг его жизни будет отнят у Ци Гу, ему будет казаться только, что умереть ему следовало ещё раньше.

Он начал судорожно снимать браслет, который ещё минуту назад любил до безумия. Линь Ханьчжи и представить не мог, что Ци Гу нанесёт на талисман настолько серьёзное заклинание.

— Нельзя. Ты не можешь вместе со мной...

Ци Гу действовал решительно: прижал руку, которой тот тянулся к браслету, и сказал:

— Мы сами надели их друг на друга — договор уже заключён. Снять браслет теперь недостаточно, чтобы отменить действие.

— Но... — Линь Ханьчжи растерянно посмотрел на него, будто пытался понять, почему Ци Гу так легко готов отдать ему собственную жизнь.

— Изначально я собирался сделать талисман «Вместе до конца» просто потому, что у тебя слабое здоровье. Но после того, что ты рассказал у горных ворот, у него появилось второе назначение. Теперь у нас одна жизнь на двоих. Значит, хотя бы ради меня ты обязан хорошо жить, — Ци Гу едва заметно улыбнулся, наклонился вперёд и без колебаний коснулся тёплыми светлыми губами губ Линь Ханьчжи.

Он и правда был твёрд. Твёрдо любил — и так же твёрдо целовал.

До встречи с Ци Гу Линь Ханьчжи никогда не представлял, что в его жизни появится человек, который будет любить его настолько решительно и ещё до признания и обещаний уже подготовится прожить с ним всю жизнь.

На свете не было любви весомее и человека, достойного любви больше.

Всю жизнь ему не везло, но после долгих блужданий он наконец встретил удачу, словно вписанную в его судьбу.

Линь Ханьчжи больше не мог сдерживать желание целовать Ци Гу. После короткого, почти пробного поцелуя, которым тот сам приблизился, желание вспыхнуло, как степной пожар, и стало неудержимым. Линь Ханьчжи подался вперёд, крепко обнял улыбающегося ему человека и начал целовать уже по-настоящему.

Мягкость, тепло, переплетённые любовь и желание.

Линь Ханьчжи хотел ещё, а Ци Гу был к нему необыкновенно щедр: даже когда уже не хватало

воздуха, не отталкивал и позволял продолжать.

Ци Гу словно был кусочком мёда, принадлежащим только ему, и только перед ним мог быть настолько мягким и снисходительным.

В комнате тёплый оранжевый свет освещал двоих, которые никак не могли оторваться друг от друга, и всё вокруг казалось согретым.

А снаружи дождь шелестел по зелёным листьям и карнизам, смывая грязь и пыль. Завтра наступит совершенно новый день: листья станут свежими, и воздух после нового дождя тоже обновится.

Линь Ханьчжи бесконечно ждал этого «завтра».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949188>